

О ЯПОНИИ И ЯПОНЦАХ

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.

Стюарт РИЧАРДСОН,
университет Калифорнии, Санта-Барбара, США

Общественное мнение о Японии и японцах на Дальнем Востоке — периферии России — складывалось под сильным влиянием общественного мнения в центральной части России. Здесь, как и в центре, в конце XIX в. среди русского населения формируется представление о «желтой опасности».

Проблема состояния общественного мнения в отношении азиатского населения на Дальнем Востоке сложная. В конце XIX в. многие русские испытывали чувство обиды на азиатов или боялись их. Представители интеллектуальной элиты в европейской части России писали о «желтой опасности», но не проводили разграничения между расами и народами. В 1889 г. поэт и философ В. Соловьёв написал стихотворение «Панмонголизм», которое предупредило русских об угрозе, идущей из Азии:

От вод Малайских до Алтая
Вожди с восточных островов (т. е. Японии. — Прим. С. Р.)
У стен восставшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! Забудь былую славу.
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Соловьёв и его преемники писали о скифах, «двух Востоках» (Ксеркса и Христа) и панмонголизме, но редко — о китайцах и японцах как таковых. Соловьёв считал, что западная культура была в упадке, особенно в религиозной сфере, а восточная ещё полна жизни. Он хотел соединить Восток с Западом, чтобы строить «положительное всеединство»¹. Такое понимание дуализма «цивилизации и варварства» было нормой для европейцев со времен Древней Греции (впервые мы встречаем это у Гомера и Геродота, Эсхил первым сказал, что цивилизация всегда лучше, чем варварское существование)². Соловьёв одним из первых думал о создании такого союза. Художественная литература только начинала чётко проводить границы между расами после японо-китайской войны (1894 — 1895)³. Когда Китай и Япония начали войну друг с другом, Восток перестал быть символом неопределённой идеи и приобрел реальные очертания географического района с населяющими его разными народами. И такое понимание восточной непохожести по отношению к западному миру с тех пор существует.

В 1899 г. в стихотворении «Скифы» К. Бальмонт, как и Соловьёв, описал азиатское население как одну большую орду: «Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов... (Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагрянем). И бесстрашно насытим мы алчные души свои». С началом военных действий художественная литература стала более конкретной. В 1905 г. А. Белый описал страх многих русских в своей поэме «Японец, возьми». В то время, когда он создавал это произведение, Россия страдала от больших потерь в войне и революциях. Поэт предсказывал катастрофу для русского народа:

Муха жужужает в ухо,
Пыльная площадь — пуста...
В пригород, тухнувший глухо,
Желтая ступит пята.

Крик погибающих братьей
Встанет в пустой балалай.
Лай наступающих ратей
Слышишь ли, царь Николай?

Глядя на стремительно менявшуюся Японию, поэт предвидел крушение Российской империи.

В отличие от Белого А. Куприн поведал гораздо больше о том, какие характеристики русские люди давали японцам. Свой рассказ «Штабс-капитан Рыбников» Куприн посвятил истории с японским шпионом. Главный герой рассказа штабс-капитан Рыбников был японским шпионом, вел двойную жизнь в Санкт-Петербурге. Один из героев рассказа, известный журналист Щавинский, разговаривая с Рыбниковым, нашел его каким-то странным. Он следил за Рыбниковым и постепенно стал понимать, что Рыбников — азиат, а точнее — японец.

Описывая момент, когда Щавинский обвинил штабс-капитана в шпионаже, Куприн подчеркнул существовавшие тогда понятия русских о нечеловечности японцев: «И в лице его Щавинский узнавал все ту же скрытую насмешку, ту же упорную, глубокую, неугасимую ненависть, особую, быть может, никогда не постижимую для европейца ненависть мудрого, очеловеченного,

культурного, вежливого зверя к существу другой породы»⁴. Через весь рассказ Куприна красной нитью проходит это мнение. Рыбникову всегда приписываются хищнические черты. По мнению писателя, японцы отличаются от европейцев не только физически, но и ментально: «Своего лица вы не спрячете, как вы ни умны».

Однако Куприн подметил и замечательные особенности японского народа. В описанных им стереотипах о японцах, всегда они представлялись смелыми, трудолюбивыми, деловитыми, умными, но одновременно и нецивилизованными, хитрыми, безбожными и жестокими.

В течение 150 лет люди на Западе считали японцев людьми второго сорта, одновременно приписывая им сверхчеловеческие способности (храбрость, умение упорно трудиться), давали звериные характеристики (сравнение с приматами) за безбожность и подчинение индивидуального государственному началу. Куприн пытался отобразить контраст этих мнений, а Джон Доуар в своей работе «Война без пощады» показал, что этот дуализм особенно проявился во второй мировой войне. Наличие контраста в оценке разных авторов доказывает, насколько европейцы не понимали Японию.

На Дальнем Востоке ситуация была более определенной. Большинство русских людей, приехавших из западной части России, никогда не видели ни китайцев, ни японцев. На Дальнем Востоке азиатов было много, и русское население формировало мнение на основе ежедневных контактов.

Жители Приамурья и Приморья не любили китайцев как конкурентов на рынке труда. Китайцев в некоторых районах было больше, чем русских. К корейцам русское население Дальнего Востока относилось лучше, потому что они принимали христианство. Кроме того, когда Российская империя начинала колонизировать Дальний Восток, корейцы хорошо знавшие этот район, создавали свои поселения и работали на русских до того, как последние обжились на новой земле.

Следует отметить, что общественное мнение о «желтой опасности» на Дальнем Востоке носило недифференцированный или слабо дифференцированный характер. Большого различия между китайцами, корейцами и японцами не проводилось. Тем не менее проблема «желтой опасности» на Дальнем Востоке заключалась в разных, хотя иногда и неопределенных угрозах. Китайцы, корейцы (в меньшей степени) представляли собой угрозу как «жёлтая волна», а японцев считали хитрым, скрытым врагом.

В отличие от китайцев и корейцев к японцам относились с опасением как к агентам враждебного государства. Многие русские считали японцев шпионами. В 1917 г. только в г. Владивостоке проживали около 100 тыс. корейцев⁵, китайцев насчитывалось 45 тыс. чел. уже в 1912 г.⁶, а японцев более 5 тыс. Корейцы и китайцы обычно занимались торговлей, фермерством; многие были чернорабочими или рыбаками, а японцы в основном ремесленниками и держателями гостиниц, ресторанов, публичных домов. Несмотря на малочисленность, они играли важную роль в сфере услуг. Накануне русско-японской войны японцы владели 32,7 % ремесленных и фабрично-заводских предприятий во Владивостоке, хотя сами составляли только 3,2 % населения⁷.

Управляя своими предприятиями, японцы часто слышали жалобы русских на качество обслуживания. Например, один журналист критиковал японских парикмахеров: «В городе существует масса парикмахерских, содержимых «специалистами» — японцами. Свои свидетельства на звание мастера японцы получают в Японии, никто их не проверяет, а между тем многие из них — не больше как шарлатаны»⁸.

Владивосток всегда был военным городом, и проституция здесь считалась доходным делом. Обычно клиентами публичных домов были солдаты, рабочие или китайцы⁹. Есть доказательство, что значительная часть японских проституток выкупалась клиентами. До 1910 г. мужчины купили 300 проституток, из них около 30 % имели русских любовников¹⁰. К сожалению, записи

этих русских мужчин не попались автору во время исследования, было бы интересно знать их мнение о Японии.

Малочисленность японцев, их благополучное финансовое состояние в городе наводило на мысль о шпионской деятельности последних. Уже скоро после Реставрации Мэйдзи Россия и Япония стали империалистическими конкурентами в Северно-Восточной Азии, особенно в Корее, Маньчжурии, Китае и на Сахалине. Хотя внешне отношения между государствами оставались дружественными, страны не испытывали доверия друг другу.

Русские относились к японцам во Владивостоке как к передовому отряду японских колонизаторов. П.Ю. Васкевич писал в докладе: «Вредную же сторону пребывания японцев во Владивостоке, а равно и во всех остальных пунктах русских окраин Дальнего Востока нужно усматривать даже не в тех повсеместно открываемых ими домах терпимости, которые служат в большинстве случаев авангардом японской колонии, а главным образом в том, что каждый из них является сюда проникнутый идеей «Азия для азиатов»...»¹¹ Васкевич особенно выделил проблему с домами терпимости не потому, что они подрывали общественные моральные устои, но потому, что эти заведения являлись базами японской разведки¹².

Подозрения русских имели под собой основание: деятельность японской разведки была поставлена на широкую ногу и велась удачно. Японцы, как и русские, часто пользовались услугами китайских рабочих при сборе разведанных, они же давали японцам полезную информацию, связанную с местонахождением и характером русских вооруженных сил на Дальнем Востоке. Кроме того, японские разведчики действовали против России на территории всей Европы и даже в сердце России, где они часто использовали неспособность русских различать расовую принадлежность. Однажды два японских офицера были арестованы в Санкт-Петербурге в сентябре 1904 г. Они выдавали себя за китайцев и работали клерками в офисе судоходной компании, где им были доступны сведения о движении русского флота. У охраны возникли подозрения на их счет; она дала задание женщине-агенту соблазнить одного из японцев. Операция удалась, и оба шпиона были высланы¹³. Похоже, что рассказ Куприна создан на основе этих событий.

Конечно, не все на Дальнем Востоке думали, что японцы были шпионами, но большинство находилось под влиянием этих стереотипов. Либеральная или более образованная часть населения иногда хорошо относилась к японцам. Один русский студент, поживший некоторое время в Японии, написал: «Вообще же я должен заявить, что в Хакодате все отнеслись ко мне очень радушно и сердечно, и каждый, чем мог, с удовольствием оказывал мне свое содействие»¹⁴. Люди, изучавшие японскую культуру, и особенно те, кому довелось путешествовать по Японии, обычно относились лучше к японцам.

Евгений Генрихович Спальвин был профессором японского языка в Восточном институте г. Владивостока. Он прекрасно знал японский язык и некоторое время жил в Японии. Спальвин, один из первых японистов в России, думал о Японии более объективно, чем остальные русские, к тому же критиковал японское государственное устройство. Он писал, что она «как все остальные страны света, что она не есть рай, что она не есть ад, а представляет собою ту же самую смесь хорошего с дурным, удобного с неудобным, которая наблюдается повсюду»¹⁵. Спальвин считал, что Япония должна была развивать инфраструктуру своей страны до того, как начала строить флот и армию и пыталась стать империалистической державой, но он одновременно видел и много хорошего в японской культуре¹⁶.

Война с Японией способствовала сплочению общества против общего врага. На Дальнем Востоке не было таких пораженческих настроений, как в Центральной России. Это объясняется не только ощущением непосредственной опасности, но также слабостью в этом регионе социал-демократии и эсеров, которые выступали за поражение России. Во Владивостоке значительную

часть населения составляли военные, что усиливало чувство враждебности к Японии.

Судя по общественному мнению, бытовавшему на Дальнем Востоке и в Центральной России, русские люди недооценивали способности Японии и японцев, считая их людьми второго сорта. Только после поражения России в войне с Японией началось переосмысление ситуации в отношении японцев. Особенно это характерно для тех русских, которые столкнулись с японцами на поле боя. В.И. Немирович-Данченко, бывший военным корреспондентом во время боя при Ванфангоу, писал: «Почему он мой враг? Ведь, в сущности, как мне до него, так и ему до меня нет никакого дела... Мне многие свои гораздо более враждебны, досадны, неприятны, чем эта черная, маленькая фигурка с ошетилившейся головой и яркими глазками на плоском лице»¹⁷.

Образ Японии на Дальнем Востоке складывался из многих факторов: люди читали о японцах в газетах и в художественной литературе, нередко японцы были частью жизни города: русские пользовались услугами японских прачечных, парикмахерских, фотоателье, магазинов, посещали японские публичные дома и т. д. А в самых печальных случаях образ японцев формировался на поле боя. С тех пор отношения между Россией и Японией являются не совсем гладкими, хотя современное их состояние лучше, чем во времена Советского Союза. Надо надеяться, что в наше время Россия, Япония и их народы смогут понять свои национальные особенности и решить существующие проблемы.

¹ Молодяков В. Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX века // М; Токио, 1996. С. 113.

² Асчерсон Н. Черное Море // Нью-Йорк, 2001. С. 60—61

³ Молодяков В. Э. Образ Японии... С. 116—117.

⁴ Куприн А.И. Штабс-капитан Рыбников // А.И. Куприн. Избр. соч. М., 1985.

⁵ Моргун З.Ф. Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории) // Известия Восточного института ДВГУ. Владивосток, 1996. № 3. С. 91.

⁶ Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке (1912 г.) // Желтая опасность. Владивосток, 1996. С. 42.

⁷ Галлямова Л.И. Японское предпринимательство во Владивостоке. 1900 — 1913 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 1992. № 2. С. 33.

⁸ Дальний Восток. 1900. № 6.

⁹ Моргун З. Ф. Японская диаспора... С. 101.

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Васкевич П. Ю. Японцы во Владивостоке: записка драгомана российско-императорского генерального консульства в Сеуле. 5 января 1907 г. // Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке 1899 — 1937 гг. Владивосток, 2000. С. 216.

¹² Дикон Р. Кемпейтай: Японские спецслужбы тогда и сейчас (The Japanese Secret Service Then and Now) // Токио, 1991. С. 79.

¹³ Там же. С. 60—61.

¹⁴ Кобелев А. С. Отчет студента Восточного института А.С. Кобелева о командировке в Хакода-тэ. 5 сентября 1902 г. // Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке 1899 — 1937 гг. Владивосток, 2000. С. 214.

¹⁵ Спальвин Е. Г. Японский прогресс. 21 октября 1900 г. // Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке 1899 — 1937 гг. Владивосток, 2000. С. 197.

¹⁶ Спальвин Е.Г. Японский прогресс... С. 203.

¹⁷ Дальний Восток, 1904. № 194.

SUMMARY. The article by Stuart Richardson from the University of California (Santa Barbara) is called «About Japan and the Japanese in the Period of Russo-Japanese war. Public opinion of the residents of the Far East of Russia». There are many interesting statements of the residents of the Russian Far East of the early 20th century in the article.

The article also includes some fragments of poetry of that time by K. Balmont, A. Belyi... Views of the Japanese politicians, artists of the early 20th century is also of interest.